

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2685](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2685)

А. В. Андреевкова

НОРМАТИВНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЗРАСТНЫХ ГРАНИЦАХ ОСНОВНЫХ ЖИЗНЕННЫХ ЭТАПОВ

Правильная ссылка на статью:

Андреевкова А. В. Нормативность представлений о возрастных границах основных жизненных этапов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 3—28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2685>.

For citation:

Andreevkova A. V. (2025) Normative Age Perceptions of Major Life Phases. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3–28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2685>. (In Russ.)

Получено: 12.09.2024. Принято к публикации: 21.01.2025.

НОРМАТИВНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЗРАСТНЫХ ГРАНИЦАХ ОСНОВНЫХ ЖИЗНЕННЫХ ЭТАПОВ

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия

*E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>*

Аннотация. Представления о возрастных границах и возрастные нормы играют важную роль в формировании календаря жизни людей, их демографического поведения и жизненных стратегий. Анализ представлений о времени наступления трех жизненных этапов — взрослости, зрелости и старости — проведен на основе данных всероссийского опроса населения «Российское социальное исследование (РСИ), Европейского социального исследования, по программе которого проводилось РСИ, и глубинных когнитивных интервью с россиянами из трех поколений. Представления о возрастных границах в России характеризуются средними для Европы медианными значениями возраста достижения взрослости, довольно ранним возрастом наступления зрелости и старости, но при этом широкими интервалами, в пределах которых россияне определяют границы этапов, и низкой консолидированностью мнений. Такая структура обнаружена в большинстве стран Восточной Европы и в Германии.

Как показали глубинные интервью, понимание и интерпретация периодов взрослости, зрелости и старости довольно сходны в трех поколениях россиян и близки теоретическим. При определении границ этапов чаще используется интервальный, нежели дискретный метод, а различия в когнитивном процессе преобразования интервала

NORMATIVE AGE PERCEPTIONS OF MAJOR LIFE PHASES

*Anna V. ANDREENKOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.),
Leading Researcher
E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>*

¹ Institute for Comparative Social Research (CESSI),
Moscow, Russia

Abstract. Subjective perceptions age boundaries and age norms play an important role in shaping the calendar of people's lives, their demographic behavior and life strategies. The author of this article analyses age perceptions of three life stages — transition to adulthood, middle-age, and old age — in Russia. The analysis is based on the data of a national survey of general population RSS (Russian Social Survey) comparable to the European Social Survey (ESS), and on in-depth cognitive interviews with respondents from three generations of Russians. Age perceptions are characterized by median age of the transition to adulthood close to European average, relatively low median age for transition to middle-age and elder age, but also broad age normative intervals and relatively low consolidation of opinions. The similar opinion structure was found in most East European countries and in Germany.

In-depth interviews confirmed that the understanding and interpretation of the periods of adulthood, maturity and old age are quite similar in three generations of Russians and are close to theoretical ones. When defining the boundaries of life stages, the informants often use intervals rather than discrete numbers, and the differences in the cognitive process of converting an interval into an exact value are quite significant. However, methodological limitations cannot serve as the main reason for the differences in the age-related ideas

в точное значение довольно существенны. Но методические ограничения не могут служить значимой причиной различий в возрастных представлениях россиян, более важны содержательные причины. Структура возрастных представлений о наступлении взрослости, зрелости и старости показывает высокую стабильность при сравнении данных 2006 и 2018 гг. Изменения происходят за счет движения поколений, в результате скорость изменений низкая, а общая система взглядов устойчивая.

Возрастная нормативность, возникающая при высокой и стабильной согласованности мнений в отношении наступления жизненных этапов, в России проявляется слабо. Хотя стереотипы, касающиеся маркеров и характеристик жизненных этапов, могут быть сильны, время наступления жизненных этапов не определяется однозначным образом, что позволяет отодвигать или раздвигать границы жизненных этапов, делает их менее предопределенными. В молодых поколениях нормативность представлений о границах основных жизненных этапов ниже, чем среди старших поколений. В современной российской социокультурной среде возрастные представления о границах жизненных этапов выполняют преимущественно направляющие и ориентирующие функции и лишь в небольшой степени предписывающие, оставляя довольно большой простор для реализации индивидуальных жизненных траекторий.

Ключевые слова: возрастные социальные нормы, представления о возрастных границах, календарь жизни, периодизация жизненного пути, жизненные этапы, взросление, зрелость, старение, межстрановые сравнения

Благодарность. Работа выполнена в рамках гранта РФФ 23-18-00635 «Жизненный

of Russians; substantive reasons are more important. The structure of age norm perceptions in Russia was stable between the surveys of 2006 and 2018. The changes in normative climate are driven by the transition of generations rather than by intragenerational changes, and the general system of views is stable.

Age normativity, which arises with a high and stable agreement of opinions regarding the onset of life stages, is weakly manifested in Russia. Although the stereotypes regarding markers and characteristics of life stages can be strong, the time of onset of life stages is not determined unambiguously, which allows pushing back or expanding the boundaries of life stages, making them less predetermined. In younger generations, the perceived age boundaries of the main life stages are more flexible than in older generations. In the modern Russian socio-cultural environment, age perceptions of major life stages perform mainly guiding and orienting functions and only to a small extent prescriptive, opening the space for the variety of individual life trajectories.

Keywords: age norms, age perceptions, timing of life, periodization of life course, life phases, transition to adulthood, middle-age, older age, cross-national comparisons

Acknowledgments. The research was carried out with the support of the Russian Sci-

путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е, — лонгитюдное исследование через 30 лет».

ence Foundation, project No. 23-18-00635 “Life course, values, expectations of the generation entering the adult life in 1990x, — longitudinal survey after 30 years”.

Введение

Общественные представления о возрасте, периодизации жизни, маркерах перехода от одного жизненного этапа к другому складываются в процессе социального взаимодействия в рамках конкретных исторических и социокультурных условий. Они помогают ориентироваться в жизни, выстраивать представления о себе, планировать и оценивать свою жизнь — выполняют направляющую функцию. Подкрепленные социальными санкциями и поощрениями, такие представления могут приобретать регулирующие функции и выступать в качестве социальных норм. Возрастные нормы диктуют, что делать и не делать, какую одежду носить, куда ходить, что любить и чего избегать в разных возрастах, а также как оценивать и даже судить других людей. В социальном плане наличие возрастных норм делает жизнь более упорядоченной и предсказуемой, облегчает принятие и внедрение управленческих решений, увеличивает управляемость общества. На индивидуальном уровне такие нормы помогают выстраивать жизненный путь, формировать жизненные планы. Аккумулируя опыт поколений, они становятся основой для суждений о том, что такое «вовремя» и какова будет расплата за «невовремя», чего ожидать и к чему готовиться человеку на разных этапах жизни. Сильная нормативность в распределении жизненного времени увеличивает стандартизованность жизни: громкость «социальных часов» может стать столь оглушающей, что за ней не слышно индивидуальных желаний, планов и выборов, внешние нормативные суждения начинают превалировать над внутренними оценками и чувствами, появляются поводы для возрастной дискриминации.

Эмпирические доказательства существования возрастных норм как высокого консенсуса в представлениях о возрастных границах отдельных жизненных событий на примере отдельных стран были получены еще в 1960-х годах в США [Neugarten, Moore, Lowe, 1965]. Однако регулирующая и санкционная составляющая представлений о возрастных границах пока имеет лишь косвенные эмпирические подтверждения, индивидуальный календарь жизни оказался очень гибким [Settersten, 2003]. Поэтому возрастная нормативность требует более детального изучения и определения.

Социологический подход к изучению представлений и норм о временных границах основных этапов жизненного пути

В научной литературе представления о возрастных границах долгое время обсуждались как психологическая проблема. Несоответствие объективного и субъективного возраста, социальное давление возрастных норм — боязнь «не успеть», кризисы возрастных переходов — ключевые вопросы в этом направлении исследований. Социологическое изучение представлений о возрастных границах стало развиваться лишь в последние годы и открыло совершенно новые перспективы:

жизненно-событийный подход, исследования социальных изменений на индивидуальном и групповом уровне [Андрееenkova, 2024].

Несмотря на то, что возрастные представления базируются на знаниях о физиологических процессах в теле человека, имеют универсальную составляющую, они не одинаковы в разных странах, культурах, исторических периодах, и даже среди разных социальных групп в рамках одного общества [Newman, 2008; Scherger, 2009]. Влияние таких представлений на разные группы тоже неодинаково. Например, давление возрастных норм на женщин сильнее, чем на мужчин [Billari et al., 2011]. Представления о возрастных границах обусловлены самыми разными факторами, в том числе фактическим и субъективным возрастом [Montepare, 2009; Лисенкова, Шпагонова, 2021].

Источниками представлений о возрастных границах могут также выступать юридические нормы. Однако существует и обратная связь — преобразование социальных норм в юридические [Kohli, 1985]. Юридические нормы в отношении возраста меняются медленно. Например, возраст совершеннолетия в Европе закреплён на уровне 18 лет со времен Великой Французской революции, большинство стран, в том числе и Россия, последовали этому примеру, хотя общественные представления не всегда соответствовали таким нормам. Законы о минимальном возрасте вступления в брак были приняты в России в 1920-х годах и с тех пор не менялись [Леканова, 2020]. Возрастные нормы выхода на пенсию были закреплены в законе СССР в 1932 г. и были несколько изменены только во втором десятилетии XXI века [Урюпина, 2018]. Межстрановые сравнения общественных представлений о возрасте дают основания сомневаться в том, что юридические возрастные нормы оказывает определяющее влияние на социальные нормы. Например, несмотря на сходство юридических возрастных норм в странах Европы, а также в России, возрастной климат в разных странах неодинаков [Aassve, Arpino, Billari, 2013].

В последние годы в России стали предметом широкой дискуссии социальные последствия возрастных норм: возрастная дискриминация в старших возрастах в отношении работы [Субботина, Асатрян, 2022] и медицинского обслуживания [Горелик, Колпина, 2014], нормативное давление в отношении возраста вступления в брак и рождения первого и последнего ребенка, возрастные представления о здоровье. Активно обсуждается вопрос, когда наступает старость, изучаются возрастные образы и стереотипы [Зайцева, 2008; Нестерова, Соколова, 2023; Ляликова, Назарова, Карпова, 2023], жизненные этапы определяются через набор реализуемых на каждом этапе событий [Чернов, Змиевская, 2015]. Исследования событийной структуры жизненного пути россиян показывают повышение возраста ключевых жизненных событий, особенно в брачно-семейной сфере [Захаров, 2009; Митрофанова, 2020], тренд на дестандартизацию распределения жизненного времени [Змиевская, Курышева, 2015]. Пока мало изучен вопрос о том, как изменения в реальном поведении и в жизненных выборах согласуются с изменениями в нормативной структуре, предшествуют или следуют за такими изменениями.

В последние годы в России был проведен ряд эмпирических исследований, посвященных изучению возрастных норм в отношении отдельных жизненных собы-

тий и жизненных этапов, заложены основы изучения этого направления. Работа Е. В. Селезневой показала, что субъективными границами молодости в России является интервал 19—28 лет, общая продолжительность молодости составляет 9,45 года, связь представлений о возрастных границах и реального возраста обнаружена не была [Селезнева, 2022]. В опросе ВЦИОМ 2023 г. «возрастной рубеж старости» оценивается в 63 года, с 2017 г. эта граница сдвинулась вперед на один год, связь с личным возрастом сильная: люди старше 60 лет оценивают возраст старости в 68 лет, молодежь до 25 лет — в 58 лет¹. В исследовании группы А. И. Антонова по результатам онлайн-опроса нормативная граница старости определена в 70,7 года, сделан вывод об отсутствии гендерной дифференциации границы старости, среди влияющих факторов — возраст респондентов, их пол и состояние здоровья [Антонов и др., 2023]. В последние годы ученые фокусируются в первую очередь на границах перехода от юности к зрелости и от зрелости к старости, реже предметом исследований становятся границы среднего возраста и взаимосвязь возрастных представлений обо всех жизненных этапах. В работах по оценке стандартизованности жизненного пути и тенденций к дестандартизации были выдвинуты гипотезы о влиянии возрастного климата на скорость и межгрупповые особенности изменений [Андрееenkova, Медведева, 2024]. Но чтобы оценить такое влияние, необходимо определить главные характеристики представлений о возрастных границах, что является задачей этого исследования.

Теоретико-методологические основания изучения представлений о возрастных границах

Представления о возрастных границах и возрастные нормы изучаются в рамках разных социальных наук и научных школ, что ведет к разнообразию и неопределенности в используемых терминах и понятиях. В рамках данного исследования мы используем следующую систему понятий в их взаимосвязи.

Возрастная среда понимается как совокупность демографических, социально-экономических, институциональных, юридических и ценностно-мировоззренческих факторов в отношении возраста разных событий и жизненных этапов, а также поведенческих моделей и жизненных стратегий. Возрастная среда имеет «объективный» поведенческий аспект (статистическое время наступления разных событий, стандартные модели поведения) и субъективный ценностно-нормативный аспект — *возрастной климат*. *Возрастной климат* составляют общественные представления и установки о возрасте — времени наступления разных событий и этапов, событийного содержания жизненных этапов, последовательности событий, соотношения объективного и субъективного возраста, возрастных стереотипов и социальных возрастных норм. *Возрастной климат* характеризуется качественно как благоприятный или неблагоприятный для разных практик и моделей поведения, может быть строгим или мягким в использовании нормативных санкций, включать узкие или широкие определения возрастных границ для разных поведенческих практик.

¹ Жить долго, жить хорошо! // ВЦИОМ, 2023. 19 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-dolgo-zhit-khorosho> (дата обращения: 20.08.2024).

В литературе и научных дискуссиях понятия возрастных норм и представлений о возрастных границах часто используются как синонимы. Иногда нормы разделяются на мнения о должном, правильном и знания о реально практикуемом. Мы предлагаем называть *представлениями о возрастных границах* знания, мнения и ожидания о возрастных границах жизненных событий и этапов, установки в отношении идеального возраста для событий, образы и стереотипы в отношении возрастов и жизненных этапов. Представления о возрастных границах выполняют ориентирующую функцию в жизни людей. Если представления о возрастных границах становятся высококонсолированными и приобретают регулирующие функции, они выступают в качестве социальных возрастных норм. Нормативность представлений о возрастных границах при таком определении становится исследовательским вопросом, а не априори заданной характеристикой.

Ключевые элементы возрастного климата — представления о возрастных границах жизненных событий (набор таких событий в разных странах и исторических условиях разный) и жизненных этапов, идеальном возрасте наступления событий, дистанции между субъективным и объективным возрастом, ожидания в отношении продолжительности жизни — жизненным времени. *Жизненный этап* понимается как часть периодизации жизненного пути — фаза процесса физического, психологического и социального развития человека. В исследованиях представления о возрастных границах жизненных событий и жизненных этапов часто рассматриваются вместе, однако источники формирования таких представлений могут различаться, как и связанные с ними факторы. Если в отношении жизненных событий прослеживается сильное влияние личного опыта, подтверждение и отражение субъективных представлений лежит в реальной жизненно-событийной матрице, то представления о границах жизненных этапов субъективны и не могут быть верифицированы извне.

Методология исследования представлений и норм в отношении возрастных границ основных жизненных этапов

В данном исследовании мы ограничимся анализом общественных представлений и норм в отношении основных жизненных этапов — взрослости, зрелости и старости. Характеристиками таких представлений выступают возрастные границы наступления и окончания этапа, перехода на следующий (иногда в литературе также используются термины «порог наступления этапа», «возрастные рубежи»). Характеристиками представлений о возрастных границах жизненных этапов мы предлагаем считать консолидированность мнений на общестрановом уровне, широту представлений о возрастных границах, социальное давление (мягкое или строгое, ориентирующее или санкционное влияние). В рамках данного исследования используется стратегия комплиментарности методов — анализ данных опроса по общероссийской случайной выборке населения и глубинных когнитивных интервью.

Глубинные когнитивные интервью «Жизненное время в восприятии российских поколений». Глубинные интервью были проведены в рамках проекта «Жизненный путь поколения, взрослеющего в 1990-х», с представителями трех поколений россиян: старшего (1949 г. и старше), среднего (1960—1979 гг.) и молодого (1980—

2005 гг.). Всего было проведено 103 интервью длительностью около 45 минут по телефону. В состав участников вошли половина мужчин и половина женщин, половина людей с высшим образованием и половина без него, респонденты из разных регионов страны и населенных пунктов разного размера (см. Приложение 1). Выборка строилась методом случайного отбора телефонных номеров по стране из случайной вероятностной панели. Методика глубинных когнитивных интервью (ТИ — *telephone in-depth interviews*) включает открытые вопросы о возрасте наступления разных жизненных этапов: «На какие отрезки Вы разделили бы жизнь людей? Какие этапы Вы бы выделили? В каких возрастных границах находится каждый из этих этапов? Чем отличается каждый из этих этапов? В чем его особенности? Чем отличается от других (предыдущего, последующего)?», «Примерно в каком возрасте, на Ваш взгляд, люди становятся взрослыми?». Затем следовали когнитивные вопросы о том, как формировались ответы: «О чем Вы подумали в первую очередь, когда услышали этот вопрос?», «Какова была Ваша цепочка рассуждений, когда Вы решали, как ответить?», «Какие варианты ответа Вы рассматривали, из чего выбирали?».

Проведение глубинных интервью по телефону имеет свои особенности, ограничения и достоинства, включая сильную когнитивную нагрузку на респондента и высокие требования, предъявляемые к интервьюеру [Wills, 2009]. Вместе с тем проведение глубинных интервью по телефону позволило уменьшить вариативность результата из-за влияния «стиля интервьюера», так как все интервью были взяты двумя профессиональными модераторами, обеспечить географическое многообразие выборки, уменьшить влияние самоотбора, характерного для интервью с предварительным рекрутированием.

Количественные оценки. Статистические оценки проведены на данных Российского социального исследования (РСИ) — трендового опроса, который проводится каждые два года. Для временных сравнений использованы данные волны 3 (2006) и волны 9 (2018), включающие модуль «Календарь жизнь». Международные сравнения проведены с данными Европейского социального исследования (ESS), по программе которого построено РСИ, что обеспечивает высокую сравнимость данных: 24 страны в волне 3 и 29 стран в волне 9 помимо России. Во всех странах опросы проводились по национальным случайным вероятностным выборкам населения 15 лет и старше методом личных интервью по месту жительства респондентов, размер выборки — 800—2500 интервью в каждой стране². В России опрос проводился Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕСИ) осенью 2006 г. (волна 3), размер выборки — 2427 респондентов, и в конце 2018 — начале 2019 г. (волна 9), размер выборки — 2416 респондентов³.

В модуль «Календарь жизни» были включены вопросы о возрастных границах основных жизненных этапов — взрослости, зрелости и старости. Вопросы были сформулированы гендерно-направленно в *split-ballot* дизайне: половина респондентов, отобранных случайным образом (как мужчины, так и женщины), отвечали на вопросы о возрасте мужчин, половина — о возрасте женщин:

² Европейское социальное исследование: официальный сайт проекта. URL: <http://www.europeansocialsurvey.com> (дата обращения: 20.08.2024).

³ Российское социальное исследование: официальный сайт проекта. URL: <http://www.russiansocialsurvey.ru> (дата обращения: 20.08.2024).

D15. Примерно в каком возрасте, на Ваш взгляд, _____ (ГРУППА 1: девочки, девушки или женщины; ГРУППА 2: мальчики, юноши и мужчины) становятся взрослыми?

D16. Примерно к какому возрасту, на Ваш взгляд, _____ (ГРУППА 1: женщины; ГРУППА 2: мужчины) достигают «среднего возраста»?

D17. Примерно к какому возрасту, на Ваш взгляд, _____ (ГРУППА 1: женщины; ГРУППА 2: мужчины) достигают старости?

Общественные представления о возрастных границах жизненных этапов: сформированность, консолидированность, широта возрастных интервалов

В качестве статистических характеристик возрастных представлений россиян были построены следующие показатели:

- возрастная медиана;
- стандартное отклонение от среднего значения;
- сформированность представлений — доля (%) тех, кто не смог назвать определенный возраст — границу жизненного этапа;
- широта возрастного интервала — между первой категорией возраста, которую назвали 5% респондентов или больше, и последней такой категорией;
- уровень консолидированности мнений (согласованности) — доля респондентов, которые назвали три самые часто упоминаемые возрастные категории (*modes*).

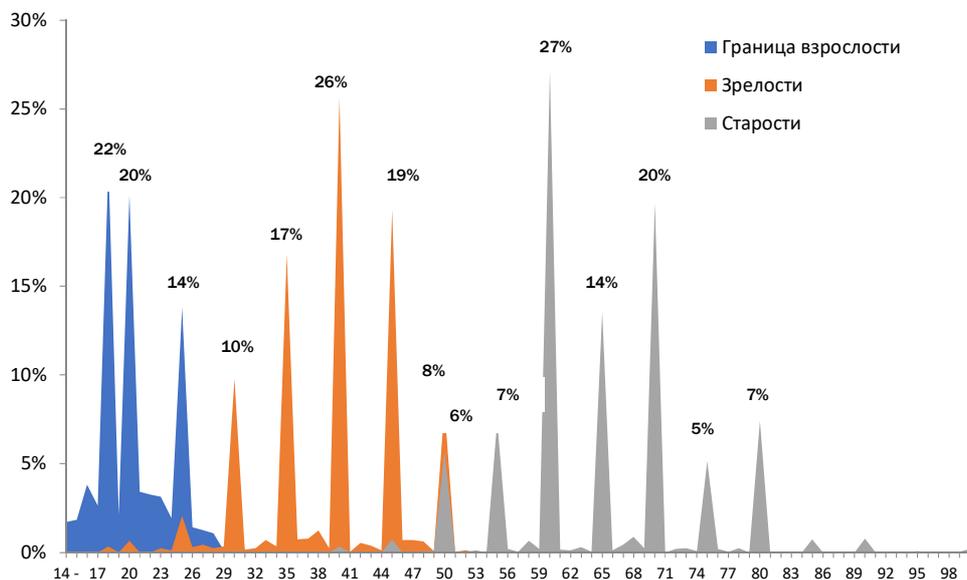
Сформированность представлений о границах основных жизненных этапов в России. Подавляющее большинство респондентов (более 90%) назвали возрастные границы перехода от одного жизненного этапа к другому при ответе на прямой вопрос. Границу перехода к взрослости не смогли определить 9% опрошенных, к «среднему возрасту» и к «старости» — по 6% (см. табл. 1). Такие результаты подтверждают, что представления о возрастных границах жизненных этапов в России в целом сформированы.

Содержание представлений о возрастных границах жизненных этапов. Общая протяженность периода от начала взрослой жизни до старости, вычисленная как разница между медианными значениями начала взрослости и перехода к старости, составила 45 лет. Медианный возраст перехода от детства и юности к взрослости — 20 лет, к возрасту зрелости, или «среднему возрасту», — 40 лет, медианная граница старости — 65 лет (см. рис. 1). Средние арифметические значения (μ) очень близки к медианным показателям: 21 год как начало взрослости (стандартное отклонение $\sigma = 4,5$ года), 38 лет для перехода к зрелости ($\sigma = 9,3$ года) и 65 лет — переход к старости ($\sigma = 8,8$ лет)

На рисунке 1 показано частотное распределение ответов на вопросы о возрасте наступления трех жизненных этапов. Разброс мнений о возрастной границе взрослости находится в интервале от 14 до 35 лет, диапазон наступления «среднего возраста» шире — от 20 до 55 лет, в старости еще больше — от 45 до 90 лет. Распределение имеет пикообразную форму: некоторые возраста называются чаще других в отношении каждого из трех этапов. Вариативность возрастных представлений россиян и широта возрастных границ различны (см. табл. 1). Наименьшая вариативность мнений обнаружена при оценке границы взрослости: стандарт-

ное отклонение наименьшее, общая широта называемого интервала — 12 лет, 90 % опрошенных назвали возрастной интервал между 17 и 29 годами. Мнения консолидированы на двух пиках — 18 и 20 лет (22 % и 20 % соответственно), третий пик приходится на 25 лет (14 %). Ни один из «юридических» возрастов не назывался значительной долей респондентов, граница зрелости в 18 лет составила лишь одну из трех пиков в распределении. Юридический возраст, связанный с потребительскими маркерами взросления (21 год), не выделяется как значимый при субъективной оценке границы зрелости.

Рис. 1. Распределение ответов на вопросы о границах трех жизненных этапов (% респондентов, назвавших соответствующий возраст)⁴ в России

Представления о возрастных границах «среднего возраста» и старости еще более широки: 19 лет в отношении перехода к зрелости (90 % респондентов назвали возраст от 30 до 49 лет) и 28 лет — в отношении старости (от 51 до 79 лет для 90 % опрошенных). Мнения о возрастной границе зрелости консолидированы на отметке в 40 лет (26 %), два меньших пика приходятся на ранний возраст в 35 лет (17 % опрошенных) и поздний в 45 лет (19 %). Мнения в отношении границы возраста старости консолидированы на уровне 60 лет (27 %), другие пики приходятся на более позднее время — 65 лет (14 %) и 70 лет (20 %). Юридические пенсионные нормы в 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин, которые существовали с 1930-х годов до недавнего времени, не показывают сильного влияния на восприятие границ старости: пик в 55 лет совсем небольшой, в 60 лет — чуть более четверти респондентов, что далеко от большинства.

⁴ Данные РСИ 9, применен дизайн-вес dweight, приводятся данные в отношении возраста мужчин и женщин вместе.

Связанность представлений о возрастных границах жизненных этапов

Теоретически все три жизненных этапа — взрослость, зрелость и старость — последовательно связаны между собой. Если граница взрослости относится к более раннему возрасту, то и граница старости могла бы быть более ранней, и наоборот. Анализ эмпирических данных показывает, что такая связь хотя и существует, но далека от абсолютной. Связь сильнее между смежными этапами — взрослостью и зрелостью (коэффициент корреляции Пирсона составляет 0,211) и зрелостью и старостью (0,330), но меньше в отношении отдаленных этапов взрослости и старости (0,076). Все коэффициенты значимы на уровне на уровне 0,001.

Более двух третей респондентов назвали границы возрастных этапов непоследовательно: более ранний переход к взрослости не означал более ранний переход к зрелости или тем более к старости, и наоборот. В целом эти данные соответствуют результатам, полученным на неслучайной онлайн-выборке в США, в которых также была обнаружена такая непоследовательность [Chopik et al., 2018].

Результаты глубинных интервью подтверждают, что представления о границах жизненных этапов формируются независимо друг от друга. Респонденты называли разные основания для суждений о наступлении взрослости, зрелости и старости, редко связывая представления об этих этапах между собой. На определение границ жизненных этапов оказывают влияние представления о жизненном времени в целом. Для некоторых респондентов жизнь представляется «короче», события концентрируются на более ограниченном интервале времени, чем для тех, у кого она «длиннее» и события распределены по всей жизненной шкале.

Так как представления о границах жизненных этапов формируются независимо друг от друга, изменения в представлениях об одном этапе не ведут с необходимостью к изменениям в представлениях о других этапах. Если в обществе изменятся представления о времени наступления старости, это еще не значит, что изменятся представления о времени наступления взрослости или «среднего возраста». Относительная независимость возрастных представлений позволяет проводить целенаправленную политику на изменение восприятия возрастных границ отдельных этапов, не затрагивая при этом другие.

Теоретическая и субъективная периодизация жизни — в поисках причин низкой консолидированности представлений о возрастных границах

Распределение мнений о возрастных границах жизненных этапов в количественном национальном опросе низко консолидировано, интервал возрастных границ для каждого этапа очень широк. Такое разнообразие мнений можно объяснить несовпадением теоретической периодизации жизни, использованной в вопросах для количественной оценки, и субъективной периодизации, которую используют сами люди.

В ходе глубинных интервью участников исследования просили самостоятельно выделить жизненные этапы, на которые делится жизнь человека, описать отличительные особенности этих этапов и порассуждать о том, как они пришли к своему мнению, на чем оно основано. Количество жизненных этапов, которые назывались респондентами, варьировалось от двух до двенадцати. Периодизацию на четыре этапа (детство, молодость, зрелость и старость) использовали 40 % ре-

спондентов. Более половины респондентов предлагали более дробную периодизацию. Наиболее дробно воспринимается ранний этап жизни между детством и молодостью, респонденты выделяли отрочество, подростковый возраст, юность, школьные годы. Для зрелого возраста предлагались такие деления, как «ранняя зрелость» и «поздняя зрелость», «зрелый и совсем зрелый», «опытный и очень опытный». В отношении старшего периода жизни около трети респондентов выделили два этапа — пожилой возраст и старость, иногда называли «период подготовки к пенсии и пенсия», «предпенсионный и пенсионный возраст», «старший возраст и закат».

Общее терминологическое поле в описании жизненных этапов довольно разнообразно и включает около 30 независимых слов и еще около 15 слов с определениями (раннее, позднее). Часть жизненных этапов имели определенные названия (детство, молодость, старость). Помимо названий этапов респонденты использовали для определения отнесение к институтам (дошкольник, детсадовец, школьник, студент, работающий, пенсионер), этапы развития личности («становление сознания — знакомство с миром», «познание себя — реализация, нашел то, что искал», «набор ума — расцвет — доживание»). Некоторые респонденты определяли этапы по жизненным целям и функциям (образование — работа — семья — пенсия), некоторые — по состоянию человека (здоровый, полный сил — ухудшение здоровья, больной).

Другим объяснением разнообразия мнений о возрастных границах жизненных этапов может служить разница в способе измерения этих границ — конкретное число (возраст), которое респондентов просили назвать в опросе, или возрастной интервал. В последнем случае причиной низкой консолидированности мнений могла стать разница в способах усреднения временного интервала, которые потребовались, чтобы назвать точное число в опросе. В глубинных интервью более половины участников, говоря о времени наступления жизненного этапа, использовали возрастной интервал, а не конкретный возраст. Через интервалы чаще определялись границы зрелости — узкий «25—30 лет» или широкий «25—40 лет». В отношении границы старости респонденты чаще называли конкретный возраст. Респонденты смотрят на переход от одного возрастного периода к другому не как на дискретное событие, а как на постепенный переход, и увеличивают интервал, чтобы учесть индивидуальное разнообразие («у всех происходит по-разному»). Когнитивный процесс превращения интервала в конкретное число (возраст перехода) может быть разным — среднее значение интервала или крайние значения.

Респонденты далеко не всегда были последовательны в определении возрастных границ разных жизненных этапов: верхняя граница одного этапа часто не совпадала с началом следующего. Например, молодость заканчивается в 30 лет, но зрелость начинается в 40 или зрелость кончается в 60 лет, а старость наступает в 70. Помимо простого нарушения логики, такой разрыв может свидетельствовать о существовании дополнительных жизненных этапов между 30 и 40 годами и 60 и 70 годами, которые интуитивно ощущаются респондентами, хотя и не имеют названия.

Результаты когнитивных интервью показали, что периодизация на три жизненных этапа — зрелость, зрелость и старость — слишком широка, мало дробна, по-

этому создает трудности в определении возрастных границ, приводит к логической непоследовательности в их определении. Разнообразие в вычислениях также может увеличить разнообразие в результатах. Однако даже в случае такого методического влияния содержательный вывод остается неизменным. Широта и высокая вариативность общественных представлений о возрастных границах жизненных этапов говорит о том, что признаки нормативности в этих представлениях слабые.

Представления о возрастных границах и возрастные нормы разных поколений россиян

Возрастной климат общества может быть охарактеризован не только общей структурой возрастных представлений, но и их согласованностью между поколениями. При высокой согласованности нормативное влияние таких представлений высокое, а скорость изменений медленная. Низкая согласованность говорит о том, что нормативность низкая или противоречивая и может служить индикатором того, что происходит трансформация.

Сравнение шести поколений россиян (см. табл. 1) показывает общее сходство их представлений о возрастных границах жизненных этапов. Медианный возраст границы взрослости одинаков во всех поколениях (20 лет) при широте интервала в 14 лет (более узкий интервал только у самого старшего поколения 1949 г. и старше). Консолидированность мнений выше в самом старшем поколении (72%), ниже в поколениях 1950—1979 гг. (64%) и еще ниже в самых младших поколениях. В отношении возраста зрелости медиана одинакова во всех поколениях кроме самого младшего, широта возрастного интервала одинакова (20 лет) в поколениях до 1979 г., но выше в более молодых поколениях (22 и 25 лет соответственно). Консолидированность мнений ниже в каждом новом поколении.

Таблица 1. Представления о возрастных границах основных жизненных этапов среди разных поколений россиян в 2006 и 2018 гг.

Возрастные Когорты	Возрастная граница взрослости			Возрастная граница зрелости			Возрастная граница старости		
	Медианный возраст	Широта нормы	Консолидированность (%)	Медианный возраст	Широта нормы	Консолидированность (%)	Медианный возраст	Широта нормы	Консолидированность (%)
2018									
Вся выборка	20	12	61	40	21	65	65	30	64
1990 и младше	20	14	56	37	25	60	60	30	61
1980—1989	20	14	57	40	22	63	60	30	68
1970—1979	20	14	63	40	20	67	65	30	65
1960—1969	20	14	65	40	20	70	65	27	64
1950—1959	20	14	64	40	20	71	65	25	66
1949 и старше	20	11	72	40	20	73	69	25	73

Возрастные Когорты	Возрастная граница взрослости			Возрастная граница зрелости			Возрастная граница старости		
	Медианный возраст	Ширина нормы	Консолиди- рованность (%)	Медианный возраст	Ширина нормы	Консолиди- рованность (%)	Медианный возраст	Ширина нормы	Консолиди- рованность (%)
2006									
Вся выборка	20	14	61	40	22	69	65	30	70
1980—1989	20	9	61	40	25	66	60	31	72
1970—1979	20	14	60	40	20	69	60	30	71
1960—1969	20	15	59	40	20	69	65	25	71
1950—1959	20	13	63	40	25	71	65	30	67
1949 и старше	20	15	66	40	25	70	65	25	71

Примечание. Данные РСИ волна 3 и волна 9, применен дизайн-вес dweight, возрастные границы показаны для мужчин и женщин вместе.

В отношении возрастной границы старости различия между поколениями наиболее велики: медианный возраст старости составляет 60 лет по мнению более молодых поколений (60 лет) и 69 лет по мнению самого старшего поколения. Возрастной интервал, в рамках которого определяются границы наступления старости, в группе старшего возраста составляет 25 лет, в молодых группах (1970 г. и младше) он шире — 30 лет. Консолидированность мнений наиболее высока в самом старшем поколении и ниже во всех последующих поколениях.

Результаты в отношении представлений о возрастных границах старости согласуются с выводами предыдущих исследований, показывающих, что границы старости с возрастом отодвигаются [Антонов и др., 2023]. Возраст границы старости начинает увеличиваться уже со среднего возраста (40 лет и старше). В остальных представлениях о возрастных границах россиян разных поколений различаются не столько абсолютными границами, сколько шириной возрастных интервалов и консолидированностью мнений. В младших поколениях ширина интервалов больше, а консолидированность мнений ниже, чем в старших, что может определять более низкую нормативность возрастных взглядов в младших поколениях.

Общее и уникальное в возрастном климате России и Европы

Уникальны ли представления россиян о возрастных границах жизненных этапов или такие характеристики возрастного климата отвечают общей модели, сложившейся во многих странах, можно определить на основе сравнения данных России и других европейских стран. Результаты показывают, что представления о границах жизненных этапов в европейских странах хотя и не одинаковы, но имеют много общего (см. Приложение 2). Среднеевропейская модель в отношении границы взрослости характеризуется медианой в 20 лет, значительной шириной этой границы в интервале 10—14 лет и консолидированности мнений на уров-

не 60—65 %. Возрастные представления о границах взрослости в России соответствуют этой модели.

В отношении возрастных границ зрелости и старости общественные представления в разных странах различаются значительно больше. Медианный возраст границы зрелости в разных странах варьируется от 35 до 45 лет, границы старости — в интервале от 65 до 70 лет. Ширина границ наступления зрелости в большинстве стран находится в интервале 20—30 лет, границ старости — 20—35 лет. Консолидированность мнений о возрастных границах «среднего возраста» варьируется от двух третей до трех четвертей опрошенных в разных странах, по поводу границы старости консолидированность мнений ниже: в 15 странах она составляет около 60 %, а больше 70 % — лишь в трех странах.

Можно было бы предположить, что возрастные представления о жизненных этапах следуют единой логике — смещены в сторону либо нижней границы (наступают раньше), либо верхней. Но такое предположение подтверждается лишь в нескольких странах, где медианный возраст границ зрелости и старости либо последовательно высок по сравнению с общеевропейской средней (в Исландии, Дании, Норвегии, Италии и Кипре), либо последовательно низок (в Хорватии, Чехии, Германии, Словакии, Эстонии, России и Словении). В остальных 18 странах представления о трех жизненных этапах выстроены непоследовательно по отношению к общеевропейским средним значениям — в отношении одних жизненных этапов они выше среднего, а в отношении других — ниже. Такая конфигурация подтверждает вывод, сделанный выше, что общественные представления о возрастных границах жизненных этапов формируются независимо друг от друга.

Наиболее схожая с Россией модель общественных представлений о возрастных границах жизненных этапов сложилась в странах Восточной Европы (наиболее близки модели России Хорватия, Чехия, Словакия, Эстония и Словения, в целом отвечают этой модели Болгария, Венгрия, Сербия, Черногория и Польша) и в Германии. Наименее схожая с Россией модель — в странах Скандинавии и Северной Европы и некоторых странах Южной Европы. Возможными причинами такой группировки являются различия в средней продолжительности жизни и времени наступления жизненных событий. В странах, схожих по возрастному климату с Россией, продолжительность жизни ниже средней по Европе, средний возраст наступления таких событий, как первый брак и рождение первого ребенка, смещен в сторону нижнего порога. В странах, наиболее далеких от России по возрастному климату, средняя продолжительность жизни выше общеевропейской средней, возраст наступления брачно-репродуктивных событий смещен в сторону верхнего порога. Но есть и исключения (Германия, Литва и Латвия).

Важным аргументом в решении вопроса о том, определяются ли различия между странами в возрастном климате социально-культурными факторами или стадией демографического и социального экономического различия, может служить временная динамика представлений о возрастных границах жизненных этапов. Если верно предположение об определяющем влиянии социально-культурных факторов, то система таких возрастных представлений должна оставаться относительно стабильной, по крайней мере на среднесрочных интервалах времени. Если верно второе предположение, то можно ожидать движения стран в общем

направлении, определяемом демографическими трендами, сближения с моделью североευропейских стран.

Динамика представлений о возрастных границах жизненных этапов во времени и факторы изменений

Для проверки гипотез об изменениях в системе представлений о возрастных границах проведено сравнение данных РСИ волны 2006 г. и волны 2018 г., которые охватывают период в 12 лет. За этот период возрастные представления в России показывают высокую временную стабильность. Медианные значения начала всех трех жизненных этапов за этот период практически не изменились (см. табл. 1). Вариативность мнений и широта возрастного интервала в отношении возраста наступления взрослости значительно увеличились. В отношении возраста наступления зрелости и старости изменения коснулись лишь степени консолидированности мнений в сторону ее уменьшения. Таким образом, наметилась тенденция к размыванию представлений о возрастных границах жизненных этапов, снижению консолидированности мнений, что может служить индикатором ослабления нормативной силы таких представлений.

Возрастные представления могут меняться за счет общесоциальных факторов, затрагивающих все поколения, а также перемен в отдельных возрастных группах или движения поколений — прихода молодых с другими взглядами. Для сравнения выделены одни и те же поколения в опросе 2006 и 2018 гг. (см. табл. 1). Данные показывают, что общая структура возрастных представлений с 2006 по 2018 г. остается неизменной. Изменения произошли в некоторых возрастных группах, но они разнонаправлены. В самом старшем поколении увеличился средний возраст границы старости с 65 до 69 лет, уменьшилась широта возрастных границ зрелости и взрослости. В поколении 1950-х широта возрастных границ зрелости сократилась с 25 до 20 лет, а старости — с 30 до 25 лет. В поколении 1960-х увеличилась консолидированность мнений о возрастной границе взрослости (с 59 до 65 %) и уменьшилась в отношении границы старости (с 71 до 64 %). В поколении 1970-х изменения коснулись только возрастных границ старости: средний возраст увеличился с 60 до 65 лет, консолидированность мнений сократилась с 71 % до 65 %. В поколении 1980-х изменилась широта возрастного интервала перехода к взрослости (с 9 до 14) и зрелости (с 25 до 22).

Наиболее существенные изменения произошли в результате движения поколений — прихода новых молодых групп. Сравнение самого молодого поколения в выборке 2006 г. и в выборке 2018 г. показало, что, хотя средние значения возрастных границ взрослости и старости в этих двух группах одинаковы, средний возраст границы зрелости в новом молодом поколении ниже (37 лет по сравнению с 40). Представления о возрастных границах самых молодых взрослых россиян характеризуются более широким интервалом границы взрослости и более низкой консолидированностью мнений в отношении границ зрелости (60 % по сравнению с 66 %;) и старости (61 % по сравнению с 72 %).

Последовательных изменений в общественных возрастных представлениях в сторону модели североευропейских стран пока зафиксировано не было. Полученные данные служат подтверждением гипотезы об относительной стабильности

возрастного климата в стране и определяющем влиянии социально-культурных факторов, по крайней мере в среднесрочной перспективе. Однако наметившийся тренд на постепенную диверсификацию мнений — уменьшение консолидированности мнений и размывание возрастных границ основных жизненных этапов, особенно зрелости и старости, — постепенно ведет к трансформации системы представлений о возрастных границах и снижению ее нормативности. Изменения происходят преимущественно за счет движения поколений — замещения старших поколений более молодыми, поэтому скорость процессов низкая.

Источники возрастных представлений и норм — маркеры, признаки, основания

Вопрос об изменениях возрастных представлений и норм в обществе напрямую связан с вопросом об источнике таких представлений. Как люди определяют, в каком возрасте наступает новый жизненный этап, используют ли они определенные маркеры, признаки, рациональные объяснения, судят ли на основе личного или социального опыта, относят ли к безусловным и непреложным «законам»? Ответы на эти вопросы мы постарались получить на основе анализа глубинных интервью.

Обсуждая переход от юности к молодости, респонденты назвали довольно разнообразными маркеры взросления и события, разные взгляды на основы периодизации жизни. Около половины респондентов связывали наступление взрослости с конкретными событиями — вступлением в брак, началом трудовой жизни, отделением от семьи, службой в армии, рождением ребенка, профессиональным самоопределением, окончанием обучения. Часть респондентов соотносили взросление с развитием личности: сформированностью планов, целей и желаний, переходом от эгоистического отношения к миру, переносом фокуса со своего «я» и своих желаний на принятие ответственности за себя и близких (*«Я рано вышла замуж, родила, но взрослой стала только к 25 годам — к этому времени я чего-то поняла о себе и жизни и чего-то захотела»*, женщина старшего поколения с высшим образованием, большой город в Сибирском ФО). Еще один признак, по которому определялось начало взрослости, — автономность и независимость: отделение от родительской семьи, самостоятельность в принятии решений, материальная независимость. Некоторые респонденты определяли границу взрослости через характеристики образа жизни и его плановости, стабильности (*«В 20 лет мы в селе уже знали день свой — работа, дом, скотина»*, мужчина среднего поколения без высшего образования, село в Южном ФО). Респонденты редко называли источником своих представлений о возрасте наступления взрослости юридические нормы («по закону»), традиции («так было всегда») или безусловное знание о должном («должно быть так» или «так принято»).

Определение границ зрелости, «среднего возраста» респонденты связывали с положением относительно других возрастных групп (*«С этого возраста я уже не молоденькой себя считала, появились моложе люди на работе»*, женщина старшего поколения без высшего образования, город среднего размера в Приволжском ФО). Еще одним признаком назывались достижения, профессиональные и другие, а также социальный опыт. Переход от молодости к зрелости видится ре-

спондентам как переход от подготовительного этапа (получение образования, поиск работы, поиск себя, пробы и ошибки) к этапу реализации своего потенциала. Третья группа признаков — выбор конкретной жизненной траектории из множества возможностей, осознание собственных целей и «места в мире», «своего пути». Для некоторых респондентов «средний возраст» — это статистическая средняя, которую они высчитали математически как середину от средней продолжительности жизни либо в 75, либо в 80 лет. Несколько респондентов упомянули аспекты нормативности («У нас принято считать, что после 40 наступает зрелость», женщина старшего поколения без высшего образования, город среднего размера в Центральном ФО), но таких высказываний было немного.

Наступление старости респонденты чаще всего связывали с оценкой здоровья, внешним видом, состоянием тела — изменениями во внешности (морщины, походка, сутулость, дряблость) и появлением болезней. Наступление старости относилось к окончанию жизненного плана, исчерпанию желаний. Некоторые респонденты соотносили границы старости с возрастом ухода из жизни людей вокруг. Переход к старости респонденты связывали с потерей автономности, зависимости от других людей (в уходе за собой), материальной зависимости (от родных, от государства). Юридический пенсионный возраст играет роль в определении границ старости, но далеко не ведущую.

Обсуждая основания для своих суждений о возрастных границах жизненных этапов, респонденты чаще всего обращались к реальной практике, распространенным типам поведения («чаще всего к этому возрасту люди...»). Часть респондентов в качестве аргумента выдвигали личный опыт («я к этому времени...»). Некоторые для обоснования своих суждений использовали прямое отнесение к нормам («к этому возрасту люди должны...»), но в целом рациональные аргументы преобладали над нормативными.

Таким образом, при определении возрастных границ жизненных этапов возраст хотя и играет немаловажную роль, но чаще эта связь не прямая, а опосредована жизненными событиями. Событийная структура, сдвинутая на более ранний возраст, в частности браки и первые рождения, выход на рынок труда и получение образования, а также уход с рынка труда, ведет к установлению более ранних нормативных границ взрослости. Ранние возраста перехода к старости называются респондентами, наблюдавшими ухудшение здоровья и физического состояния людей своего круга в более ранних возрастах. Если такие изменения менее заметны или происходят позже, то и восприятие границ жизненных этапов может сдвинуться к более поздним возрастам. С другой стороны, нельзя исключить, что маркеры жизненных этапов могут меняться, например, наиболее важными признаками взросления становятся не брачно-семейные события, а образовательные и экономические. Не только возрастные представления и нормы служат ориентиром для построения жизненного пути, но и сами эти представления хотя бы отчасти основываются на общих практиках.

Представления о возрастных границах или возрастные нормы?

Исследование показало, что возрастная среда в России структурирована сложнее, чем может показаться в рамках дискуссии о возрастных стереотипах и стан-

дартизированности жизненных событий. Подтвердилось существование устойчивых субъективных представлений о периодизации жизни. С каждым из этапов респонденты связывали реализацию определенных ожиданий, эмоциональные характеристики и оценки, часть из которых может быть отнесена к возрастным стереотипам. Полученные результаты схожи с выводами из исследований на основе качественных [Чернов, 2015].

В отношении возрастных границ жизненных этапов дисперсность мнений была высокой, как и широта называемых интервалов для возрастных границ разных этапов, что ставит под сомнение возможность называть такие представления возрастными нормами. Вопрос о нормативности представлений о возрастных границах жизненных этапов представляется нам выходящим далеко за рамки терминологических споров. Общественные представления преобразуются в социальные нормы при реализации нескольких условий: достижении широкого общественного согласия — высокой консолидированности мнений, аксиоматическом принятии мнения (источники и причины не ставятся под вопрос, а воспринимаются как данность), стабильности во времени, а также наличию потенциальных санкций за нарушение или непринятие таких норм. Характеризуя возрастную климат в конкретном обществе, можно говорить не о наличии или отсутствии социальной нормы при определении возрастных границ жизненных этапов, а о степени нормативности таких представлений, рассматривать нормативность как свойство социальных представлений или установок. В разных обществах в разное историческое время представления о возрастных границах могут выступать в качестве сильных возрастных норм, а могут оставаться лишь направляющими суждениями, иметь как общекультурный или страновой масштаб, так и лишь внутригрупповой (разные возрастные нормы для разных социальных групп). При полном отсутствии социального давления возрастные представления несут информационную или направляющую функцию ориентации в жизненном времени, при сильном же давлении они приобретают функции социальной нормы — регулирующей и предписывающей.

Представления о возрастных границах в России в последние годы характеризуются невысокой нормативностью. Интервалы возрастных границ очень широки, консолидированность мнений невысокая, представления строятся на рациональных аргументах, выводятся из личного и социального опыта. Предыдущие работы показали существование значимых стереотипов и даже стигматизации определенных жизненных этапов, в частности старости [Ляликова и др., 2023]. Данное исследование зафиксировало, что даже если жизненный этап наполнен стереотипами и социальными нормами и ожиданиями, то в отношении возраста наступления жизненного этапа такие нормы довольно слабые. Жизненный этап в большей степени определяется его маркерами и признаками, но не обязательно соотносится с конкретным возрастом. Например, старость может определяться по признакам плохого здоровья и внешнего вида, отсутствия целей и перспектив, консерватизму в освоении новых навыков и знаний, но не обязательно приписываться конкретному возрасту. Для этапов взросления возрастные границы более определены, особенно в верхней части, и в меньшей связаны с конкретными маркерами и событиями. Наиболее сложным является возраст наступления зрелости

или «среднего возраста» — для определения этого этапа используются и возрастные, и событийные, и социально-психологические характеристики.

Гибкость представлений о границах возрастных этапов позволяет передвигать сроки жизненных событий, связываемых с разными возрастами, как на индивидуальном, так и на общесоциальном уровне. Например, несмотря на высокую степень социальной напряженности и остроту дискуссий вокруг увеличения пенсионного возраста в российском обществе, больших разногласий в отношении конкретных возрастных границ было немного. Новые границы пенсионного возраста в пределах 65 лет вполне укладываются в когнитивную карту представлений о возрастных границах старости. Тренд на дестандартизацию жизни [Андрееenkova, Медведева, 2024], увеличение общей продолжительности жизни, трудовой и профессиональной карьеры, репродуктивного времени [Носкова, Кузьмина 2024] ведет к постепенному расширению возрастных границ разных жизненных этапов. Социальные представления и нормы, с одной стороны, влияют на реальные практики, с другой стороны, сами изменяются под их влиянием. Исследование показало, что возрастные представления и нормы изменяются медленно и являются преимущественно результатом движения поколений, обеспечивая стабильность и преемственность социальной системы. Отсутствие строгой нормативности во времени наступления жизненных этапов позволяет отодвигать или раздвигать границы жизненных этапов, делает их менее предопределенными в индивидуальной жизни.

Список литературы (References)

1. Андрееenkova А. В. Исследования жизненного пути — концептуальные и методологические подходы и решения // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 1. С. 6—24. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1>. Andreenkova A. V. (2024) Life Course Studies — Conceptual and Methodological Approaches and Solution (2024) *Sociologicheskaja Nauka i Socialnaja Praktika*. Vol. 12. No. 1. P. 6—24. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1>. (In Russ.)
2. Андрееenkova А. В., Медведева А. А. Динамика событийной структуры жизненного пути в России // Вестник Института социологии. 2024. Т. 16. № 3. (в печати). Andreenkova A. V., Medvedeva A. A. (2024) Dynamic of the Life Course Structure in Russia. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. Vol. 16. No. 3. (In Russ.)
3. Антонов А. И., Назарова И. Б., Карпова В. М., Ляликова С. В. Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 131—143. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11>. Antonov A. I., Nazarova I. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V. (2023) Transition to Elderly: Objective Traits and Subjective Perception. *Population*. Vol. 26. No. 3. P. 131—143. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11>. (In Russ.)
4. Горелик С. Г., Колпина Л. В. Проблемы дискриминации населения старших возрастных групп в сферах медицинского обслуживания и социальной защиты:

- эмпирический анализ // Социальные аспекты здоровья населения. 2014. № 38. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/597/30/lang.ru/> (дата обращения: 28.01.2025).
- Gorelik S. G., Kolpina L. V. (2014) Discrimination of the Older Age Groups of Population in Terms of Medical Care and Social Security: Empirical Analysis. *Social Aspects of Population Health*. No. 38. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/597/30/lang.ru/> (дата обращения: 28.01.2025). (In Russ.)
5. Зайцева Ю. Б. Стереотипные представления массового сознания о «старых людях» // Теоретическая и экспериментальная психология. 2008. № 1. С. 13—28. Zaitseva Y. B. (2008) Stereotypic Images of “Older People” in the Mass Consciousness. *Theoretical and Experimental Psychology*. No. 1. P. 13—28. (In Russ.)
6. Захаров С. В. Ценностно-нормативные «расписания» человеческой жизни: представления жителей разных стран о том, когда девушка становится взрослой // Россия в Европе / под ред. А. В. Андреевковой, Л. А. Беляевой. М.: Academia, 2009. С. 347—380. Zakharov S. V. (2009) Value-Normative Timing of Human Life: Perceptions of Residents of Different Countries about How Girl Become Adult. In: Andreenkova A. V., Belyaeva L. A. (eds.) *Russia in Europe*. Moscow: Academia. P. 347—380. (in Russ.)
7. Змиевская А. А., Курышева О. В. Временные аспекты дестандартизации жизненного пути личности в семейной сфере // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. № 4. С. 81—85. Zmievskaya A. A., Kuryshcheva O. V. (2015) Time Aspects of Destandardization of Life Course of Personality in Family Domain. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Pedagogika. Psichologija. Sociokinetika*. No. 4. С. 81—85. (In Russ.)
8. Леканова Е. Е. Правовая регламентация минимального брачного возраста: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8. С. 84—95. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.117.8.084-095>. Lekanova E. E. (2020) Legal Regulation of Minimum Marriage Age: The Past and Present. *Actual Problems of Russian Law*. Vol. 15. No. 8. P. 84—95. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.117.8.084-095>. (In Russ.)
9. Лисенкова В. П., Шпагонова Н. Г. Индивидуальные и возрастные особенности восприятия времени взрослыми людьми // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 4—16. <https://doi.org/10.31857/S020595920016017-4>. Lisenkova V. P., Shpagonova N. G. (2021) Individual and Age-Specific Perceptions of Time by Adults. *Psikhologicheskii Zhurnal*. Vol. 42. No. 5. P. 4—16. <https://doi.org/10.31857/S020595920016017-4>. (in Russ.)
10. Ляликова С. В. Назарова И. Б., Карпова В. М., Особенности восприятия пожилых людей в российском обществе // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 106—117.

- Lyalikova S. V., Nazarova I. B., Karpova V. M. (2023) Features of Elderly People Perception in Russian Society. *Sociological Studies*. No. 10. P. 106—117. (In Russ.)
11. Митрофанова Е. С. (Не)время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 4. С. 36—61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>. Mitrofanova E. S. (2020) (No) Time to Grow Up: Changing Ages of Debut Biographical Events in Russia. *Demographic Review*. Vol. 7. No. 4. P. 36—61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>. (In Russ.)
 12. Нестерова А. А., Соколова И. В. Эйджизм и стигматизация пожилых людей представителями разных поколений: сравнительный анализ // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. С. 144—158. Nesterova A. A., Sokolov I. V. (2023) Ageism and Stigmatization of Elderly People by Representatives of Different Generations: A Comparative Analysis. *Russian Socio-Humanitarian Journal*. No. 4. P. 144—158. (In Russ.)
 13. Носкова А. В., Кузьмина Е. И. Изменения в ресурсном потенциале россиян старших поколений (по материалам лонгитюдных исследований) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 2. С. 78—101. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.4>. Noskova A. V., Kuzmina E. I. (2024) Changes in Resource Potential of Russians of Older Generations (by Materials of Longitudinal Studies). *Sociologicheskaja Nauka i Socialnaja Praktika*. Vol. 12. No. 2. P. 78—101. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.4>. (In Russ.)
 14. Селезнева Е. В. Возрастные и культурные особенности представлений о возрастных границах молодости // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 1. С. 203—225. Selezneva E. V. (2022) Age and Cultural Characteristics of Age Limits of Youth. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universitita*. No. 1. P. 203—225. (In Russ.)
 15. Субботина Т. Н., Асатрян Н. Л. Анализ эйджизма на рынке труда: возрастная дискриминация // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 12—2. С. 169—174. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-12-2-169-174>. Subbotina T. N., Asatryan N. L. (2022) Analysis of Ageism in Labor Market: Age Discrimination. *Economy and Business: Theory and Practice*. No. 12—2. P. 169—174. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-12-2-169-174>. (In Russ.)
 16. Чернов А. Ю., Змиевская А. А. Выявление социально-возрастных норм с помощью анализа качественных данных // Известия Саратовского университета. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 1. С. 34—38. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2015-4-1-34-38>. Chernov A. Y., Zmievskaya A. A. (2015) Social Age Norms Detection by Means of Qualitative Data Analysis. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. Vol. 4. No. 1. P. 34—38. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2015-4-1-34-38>. (In Russ.)

17. Урюпина А. А. Пенсионные реформы в истории России // Горизонты экономики. 2018. № 5. С. 27—34.
Uryupina A. A. (2018) Pension Reforms in the History of Russia. *Horizons of Economy*. No. 5. P. 27—34. (In Russ.)
18. Aassve A., Arpino B., Billari F. C. (2013) Age Norms on Leaving Home: Multilevel Evidence from the European Social Survey. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 45. No. 2. P. 383—401. <https://doi.org/10.1068/a4563>.
19. Billari F. C., Goisis A., Liefbroer A. C., Settersten R. A., Aassve A., Hagestad G., Spéder Z. (2011) Social Age Deadlines for the Childbearing of Women and Men. *Human Reproduction*. Vol. 26. No. 3. P. 616—622. <https://doi.org/10.1093/humrep/deq360>.
20. Chopik W. J., Bremner R. H., Johnson D. J., Giasson H. L. (2018) Age Differences in Age Perceptions and Developmental Transitions. *Frontiers of Psychology*. No. 9. Art. 67. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00067>.
21. Kohli M. (1985) Die Institutionalisierung des Lebenslaufs. Historische Befunde und Theoretische Argumente. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Wiesbaden: Vol. 69. P. 495—524. <https://doi.org/10.1007/s11577-017-0417-6>.
22. Montepare J. M. (2009) Subjective Age: Toward a Guiding Lifespan Framework. *International Journal of Behavior Development*. No. 33. P. 42—46. <https://doi.org/10.1177/0165025408095551>.
23. Neugarten B. L., Moore J. W., Lowe J. C. 1965. Age Norms, Age Constraints, and Adult Socialization. *American Journal of Sociology*. No. 70. P. 710—717.
24. Newman K. S. (2008) Ties That Bind: Cultural Interpretations of Delayed Adulthood in Western Europe and Japan. *Sociological Forum*. Vol. 23. No. 4. P. 645—669. <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2008.00089.x>.
25. Scherger S. (2009) Cultural Practices, Age and the life course. *Cultural Trends*. No. 18. P. 23—45. <https://doi.org/10.1080/09548960802651203>.
26. Settersten R. A. (2003) Age Structuring and the Rhythm of the Life Course. In: Mortimer J. T., Shanahan M. J. (eds) *Handbook of the Life Course. Handbooks of Sociology and Social Research*. Boston, MA: Springer. https://doi.org/10.1007/978-0-306-48247-2_4.
27. Willis G. B. (2005) *Cognitive interviewing*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. <https://doi.org/10.4135/9781412983655>.

Приложение 1Социально-демографический состав респондентов
участников глубинных когнитивных интервью

Социально-демографические характеристики	Количество интервью
<i>Пол</i>	
Мужчины	52
Женщины	51
<i>Поколения</i>	
Поколение 1949 г. и старше	30
Поколение 1960—1979 гг.	41
Поколение 1980—2005 гг.	32
<i>Образование</i>	
Высшее образование	50
Без высшего	53
<i>Регион</i>	
Центральный, включая Москву	27
Северо-Западный	12
Южный и Северокавказский	14
Приволжский	13
Уральский	9
Сибирский	16
Дальневосточный	12
<i>Урбанизация</i>	
Мегаполисы (1 млн +)	25
Большие города (250—999 тыс.)	28
Средние города (20—249 тыс.)	27
Малые города и сельские поселения	23

Приложение 2

Представления о возрастных границах жизненных этапов в разных странах, PСИ волна 9 и ESS волна 9 (2018 г.)

Страна	Представления о возрастных границах жизненных этапов (данные опросов)						Другие характеристики возрастной среды в странах		
	Взрослость		Зрелость		Старость		Средняя продолжительность жизни*	Возраст первого брака**	Возраст рождения первого ребенка**
	Медианный возраст (лет)	Консолидированность (%)	Медианный возраст (лет)	Консолидированность (%)	Медианный возраст (лет)	Консолидированность (%)	Лет	Медиана	Медиана
Хорватия	23	57	40	66	60	68	78	24	25
Чехия	18	49	40	66	65	61	79	23	25
Германия	20	51	40	64	65	62	81	25	27
Россия	20	61	40	65	65	64	73	22	24
Словакия	20	67	40	65	65	56	77	23	24
Эстония	20	61	40	71	65	69	78	23	24
Словения	22	54	40	63	65	65	81	24	25
Болгария	25	60	42	66	65	66	75	22	23
Венгрия	20	61	45	56	65	60	76	23	25
Сербия	21	60	45	72	65	69	76	23	25
Черногория	25	52	45	67	65	67	77	25	26
Польша	20	58	45	71	66	68	78	24	25
Испания	20	51	30	40	68	73	83	26	28
Франция	20	63	35	57	70	61	83	25	27
Бельгия	20	61	40	48	70	60	82	24	27
Швейцария	20	62	40	59	70	59	84	27	29

Страна	Представления о возрастных границах жизненных этапов (данные опросов)						Другие характеристики возрастной среды в странах		
	Взрослость		Зрелость		Старость		Средняя продолжительность жизни*	Возраст первого брака**	Возраст рождения первого ребенка**
	Медианный возраст (лет)	Консолидированность (%)	Медианный возраст (лет)	Консолидированность (%)	Медианный возраст (лет)	Консолидированность (%)	Лет	Медиана	Медиана
Австрия	20	60	40	69	70	65	82	25	26
Ирландия	18	60	45	70	70	66	82	27	28
Великобритания	18	66	45	75	70	61	81	25	28
Португалия	19	61	45	71	70	67	81	24	26
Нидерланды	20	66	45	65	70	71	82	26	28
Швеция	20	75	45	75	70	61	83	28	27
Финляндия	20	67	45	75	70	63	82	25	27
Латвия	20	56	45	75	70	65	75	23	24
Литва	21	61	45	73	70	63	76	23	24
Кипр	20	57	48	72	70	63	81	25	26
Дания	20	62	50	67	70	61	81	27	27
Норвегия	20	65	50	73	70	63	83	26	27
Исландия	20	69	50	77	70	65	83	26	24
Италия	24	58	50	73	70	75	83	26	28

Примечание. Возрастные границы взрослости, зрелости и старости — данные ESS и PCI, волна 9 с применением dweight.

* Данные Всемирного Банка, 2018. URL: <https://genderdata.worldbank.org/en/indicator/sp-dyn-le00-in?year=2018&gender=total#data-table-section>

** Расчеты по данным ESS и PCI волна 9, средние посчитаны от базы респондентов 25 лет и старше, которые испытали каждое из этих событий.